

РОССИЯ – ПОЛЬША

СТАРЫЙ СПОР СЛАВЯН

В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

О тношения поляков и русских это отношения двух славянских народов с древними государственными традициями, с похожим языком, но разными политическими ориентирами. При этом для Польши Россия составляет гораздо большую часть внешнеполитических усилий и озабоченностей, чем Польша для России. Анализ новейшей истории их отношений помогает лучше понять препятствия, существующие в диалоге России с Европейским союзом и – более широко – с так называемым Западом. О перипетиях российско-польских отношений «Янтарному мосту» рассказал Артем Мальгин, проректор МГИМО (У) МИД России, ответственный секретарь российской части российско-польской Группы по сложным вопросам.

КАК СТРОИТЬ БЕЗОПАСНУЮ ЕВРОПУ?

Артем Владимирович, одна из фундаментальных проблем отношений России и Польши – различия в представлениях об оптимальной архитектуре международных отношений и безопасности в Европе, о роли в ней стран Центральной и Восточной Европы. Насколько глубоки эти различия?

Они проявились еще на рубеже 1990-х годов, когда польское руководство стремилось максимально ускорить вывод советских (российских) войск, а также заново урегулировать вопрос о

безопасности в регионе после расторжения 1 июля 1991 года Варшавского договора. Характерно, что в последовавшей затем многолетней дискуссии о расширении Североатлантического

альянса на восток свою аргументацию российская дипломатия направляла, прежде всего, западным странам – Польша воспринималась скорее инструментально, как некий предмет геополитического соперничества.

И Россия, и Польша с геополитическими изменениями рубежа 1990-х годов неожиданно для себя приобрели совершенно новых соседей, часть из которых оказалась общими для Москвы и Варшавы – Украина, Белоруссия, Литва. При этом, если для Польши новые соседи практически в самый момент своего появления стали элементом диверсификации ее внешней политики, дополнительным полем для внешнеполитического маневра и, как следствие, усиления позиции в европейских делах, то для Москвы речь скорее шла о появлении дополнительного круга обязанностей и обременений, связанных с широчайшим спектром вопросов правопреимства от б. СССР к новым независимым государствам. Постсоветское пространство поглощало колоссальные объемы временных, дипломатических и других ресурсов России в первой половине 1990-х го-

Разница потенциалов в российско-польских отношениях неизбежно ведет к асимметрии взаимного внимания и взаимной заинтересованности.

дов. В значительной степени это сохраняется и в настоящее время.

Генеральным направлением общественно-экономического и внешнеполитического развития на переломе эпох в России и Польше было выбрано западное направление. Следуя самым общим параметрам западного опыта, каждая из стран на свой лад реформировала все аспекты собственного существования.

В 1991–1993 годах многим в Москве думалось, что такое всеобщее движение к единой парадигме развития снимает все межгосударственные, международные противоречия. Оказалось, что это не так – национальные интересы никто не отменял, они стали проявляться по мере детализации внешней политики новых государств.

Россия впервые в своей новой истории сде-

лала попытку формулировки стратегических международных приоритетов в Концепции внешней политики 1993 года. Из неё становится ясно, что

европейское направление, европейские институты занимают важное место в системе внешнеполитических ценностей и задач. Москва, прежде всего профессиональное дипломатическое сообщество, пробиваясь сквозь паутину тактических проблем и задач, сделала ряд принципиальных шагов. Именно они определили тот вектор в европейской политике, по которому мы движемся и сейчас.

Вторая волна дискуссий о европейском институционально-политическом ландшафте поднялась в 2004–2005 годах, в той или иной степени определяя повестку российско-польских отношений и по сей день.

Речь идет об интерпретации планов размещения в Польше элементов американской системы ПРО, о чём

польские и американские власти неофициально говорили еще с 2001 года. В Польше соглашение с США рассматривалось не только как укрепление союза с «единственной выжившей сверхдержавой», что повысит уровень безопасности в регионе, в том числе от России, но также и как возможность получить дополнительную помощь США в реформировании польских вооруженных сил. Последовавший затем отказ администрации Барака Обамы от реализации масштабных планов строительства «противоракетного щита» повлек за собой распространение в польской элите скептических настроений в отношении военного сотрудничества с Вашингтоном.

ДУВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭКОНОМИКА ИЛИ ПОЛИТИКА?

Масштабы экономического взаимодействия между Россией и Польшей были весьма внушительны и в те годы, когда межгосударственные отношения оставляли желать лучшего. Иногда возникала иллюзия, что на этом треке политика не влияет на экономику. Из чего складывается реальность?

В отношениях современных России и Польши постоянным фактором является и останется в обозримом будущем разница потенциалов, определяемая превосходством России в территориальных, природных, военных и демографических ресурсах.

Правда, Польша, являясь частью тесного интеграционного объединения – Европейского союза, который по всем параметрам, кроме военного, превосходит Россию, может в критический момент мобилизовывать и возможности ЕС.

Вместе с тем разница потенциалов в российско-польских отношениях неизбежно ведет к асимметрии взаимного внимания и взаимной заинтересованности. Для Польши Россия может составлять треть, а то и половину всех внешнеполитических усилий и озабоченностей. До такого уровня значение Польши во внешней политике России вряд ли

когда-либо дойдет даже на отдельном краткосрочном временном отрезке.

Классические двусторонние отношения, доминировавшие

на протяжении веков между нашими странами, ушли в 1991 году вместе с потерей большей части общей границы. Калининградский участок границы этого никогда не компенсирует. Современные двусторонние отношения будут всё больше базироваться на общей (по набору вопросов) для двух стран международной и, прежде всего, европейской повестке дня. Маленький Калининградский и морской участки границы могут служить как лакмусовой бумажкой, так и катализатором для отношений в рамках «большой повестки».

В 1990-е годы Польша научилась использовать «геополитическую ренту». Стал работать задел, созданный еще в советский период. Было завершено строительство первой очереди газопровода Ямал – Европа, польские нефтепроводы стали использоваться для транзита российской нефти. В результате через территорию Польши осуществляется 30% экспорта российской нефти и более 16% российского газа. Польские транспортные компании в тот период стали и до сих пор являются одними из крупнейших автомобильных операторов, перевозящих товары и продукты питания из Западной Европы в Россию. При этом важно иметь в виду, что в первое рыночное десятилетие эксплуатировалась в основном старая инфраструктура. Счастливым исключением стало создание новых и переоборудование старых погранпереходов.

Сейчас забывается тот факт, что все 1990-е годы, вплоть до 1 октября 2003 года, между Россией и Польшей существовал безвизовый режим.

Каждый, кто сталкивался с получением шенгенской или американской визы, понимает ту степень свободы и открытости, которая существовала в отношениях между нашими странами на низовом уровне.

Противоречия в двусторонних отношениях Варшава не без успеха транслировала на европейский уровень.

Апогея такая политика достигла в мае 2007 года, когда на саммите Россия – ЕС Ангела Меркель и

Жозе Мануэль Баррозу подтвердили, что проблема «мясного эмбарго» России рассматривается Евросоюзом как проблема отношений Россия – ЕС. Лишь досрочные выборы в Польше и приход к власти центристской команды Дональда Туска помогли разрядить ту ситуацию. «Мясной конфликт» помог переосмыслить взаимные представления друг о друге. Увидев реакцию Германии, многие в Варшаве наконец осознали потенциал европейской составляющей политики Польши в отношении России. Казавшаяся мифической «европейская солидарность» сработала. В свою очередь, российские элиты ощутили, сколь велика цена плохих отношений с такой страной, как Польша.

В настоящее время, когда целый ряд политических проблем в двусторонних отношениях утратили свою остроту, серьезной проблемой экономических отношений остаётся неорганизованность польского бизнеса, работающего в России. Отсутствуют эффективные двусторонние структуры делового взаимодействия. Зачастую польский бизнес предпочитает работать в России под «чужим флагом», регистрируя свои компании как немецкие, австрийские, но не польские. За исключением энергетической сферы, польским властям не уда-

лось создать в России действенной системы продвижения и механизма страхования собственного бизнеса, равно как и устойчивых связей с государственными и частными контрагентами.

Во многом схожа и ситуация с российским экономическим присутствием в Польше. Здесь уверенно работают лишь энергетические компании, которые довольствуются минимальным уровнем стабильности и, чувствуя общую политическую конъюнктуру, успешно перебрасывают в политическую повестку бизнес-проблемы, возникающие в их общении с польскими коллегами. Не-энергетический бизнес на польском направлении организован слабо. Дискретный и намеренно дистанцированный от общего контекста российско-польского взаимодействия бизнес не может играть роли серьезного стабилизатора отношений и, как следствие, зачастую становится первой жертвой их всё ещё неровного, эмоционального характера.

ЭМОЦИИ НА ФОНЕ ИСТОРИИ

Имея некоторый опыт личного общения с поляками, в том числе и давний – в аспирантские годы в МГУ, могу констатировать полное взаимопонимание и отсутствие проблем. Впрочем, экстраполяция межличностных отношений на межстрановые – процедура не вполне корректная...

Современные Польша и Россия – страны в значительной степени схожие с точки зрения исторического и внешнеполитического самосознания и самовосприятия. Схожесть эта проистекает из устойчивости идеологем, почерпнутых из истории и с упорством, достойным лучшего при-

менения, воплощаемых в современной политике. Как во внутренней, так – еще больше – во внешней. Не в последнюю очередь это относится и к двусторонним отношениям.

К идеологемам, определяющим сходство России и Польши, относятся: завышенное представление о месте и роли самих себя в международных делах; представление о расположенных рядом соседях как о странах, требующих, а зачастую, жаждущих опеки Москвы или Варшавы; чрезмерное оперирование превосходными степенями таких понятий, как мораль, нравственность, духовность, страдание, мученичество и героизм, применительно к самим себе.

Есть и более глубокие исторические мифы-концепции одинаковые для обеих стран, которые лишь отчасти опираются на реальность, но которые, несомненно, формируют её. Среди них можно назвать и концепцию сарматизма, объяснявшую русским и полякам необходимость освоения «утраченных» земель и наличие не привычных для других частей Европы элементов общественного и каждодневного уклада; и концепцию моста между востоком и западом; и, несомненно, историческую гордость за спасение Европы от татарского нашествия. Ещё раз подчеркну – все эти идеологемы общие и одинаковы важные, если не сказать популярные, в историческом самосознании.

Ну, это совсем древняя история, а что с трудными проблемами двадцатого века?

Если коротко – они сняты с повестки дня большой политики. Хотя почти целое десятилетие проблема Катыни была острым вопросом текущих двусторонних отношений.

«Историческая политика» далеко не польский феномен, но только в Польше на какое-то время она стала частью официальной доктрины правящей партии.

В целом, для России и Польши, как молодых в их нынешней ипостаси государств, характерны склонность к огосударствлению истории, попытки аргументировать те или иные современные действия непосредственным обращением к удобному историческому факту или удобной исторической интерпретации.

Кто-то, конечно, отнесется скептически к этой моей оценке, сочтет её излишне спрямленной трактовкой национального сознания, гротес-

ском, не имеющим ничего общего с официальной позицией. Но, к сожалению, именно такая гротескность, не критичность к привносимым историческим стереотипам доминировали в отношениях России и Польши на протяжении последних полутора десятилетий. Происходило это попеременно по вине то одной, то другой стороны. В этот период схожесть России и Польши не сближала наши страны, а сталкивала их, как сталкиваются одинаково заряженные частицы.

Парадоксально, но уход в небытие (поздне)советской исторической парадигмы, в которой трактовка, например, польских восстаний делалась через призму классовой и национально-освободительной борьбы угнетенной нации, снизил объективную пропольскость российской исторической индоктринации, вернул ее к историческим парадигмам сугубо «государственнического» характера. Российское же общественное мнение автоматически вернулось к «позапрошлому» восприятию Польши, сформированному в царской России в XIX веке. К такому восприятию, явно неприемлемому с точки зрения польского политического класса и общества, домешивались сантименты и штампы в отношении к ПНР, которые, в понимании современной Польшей, также оказывались операционно малопригодными.

И совсем отрицательными элементами стали пропагандистские попытки создать из Польши образ врага в 2005–2007 годах.

Равно нужно отметить, что отрицание польским политическим классом ПНР («безмерной» Речи Посполитой), на мой взгляд, не несет пользы для исторического и внешнеполитического самосознания современной Польши. Такое отрицание удаляет целый исторический пласт и автоматически делает Варшаву наследником далеко не безупречных внешнеполитических концептов 1920 – 1930-х годов. Мне могут возразить, что общественная мысль польской послевоенной эмиграции вполне органически вплетается в современное сознание. Однако любой непредвзятый наблюдатель видит, что магистральная линия мышления политического класса Польши, к сожа-

лению, гораздо более монохромна, чем наследие того же Ежи Гедройца или коллективного разума парижской «Культуры». А в силу того, что реальное возвращение эмигрантской мысли в Польшу происходило в тяжелый пореформенный

период начала 1990-х годов, она вряд ли завоевала много новых сторонников за пределами интеллигентских кругов среднего и старшего поколений.

Всё сказанное выше наложило на рост популярности в Польше «исторической внешней политики», расцвет которой пришелся на первые два года президентской каденции покойного Леха Качиньского. В отношении России «историческая политика» мобилизовала все негативные стереотипы, формировавшиеся на протяжении десятилетий, если не столетий.

«Историческая политика» далеко не польский феномен, но только в Польше на какое-то время она стала частью официальной доктрины правящей партии, получила свое развитие в виде «исторически обоснованной внешней политики».

Еще раз повторю – сейчас эта ситуация преодолена, и история вернулась в руки историков, ну или почти вернулась.

Можно ли говорить, что после 7 апреля 2010 года мы сняли проблему Катыни, а по сути, и все исторические вопросы с политической повестки дня наших отношений?

Да, если принять во внимание эмоциональные, искренние и, наверное, потребовавшие серьезной душевной работы жесты и слова Владимира Путина у мемориала в Катыни.

Да, если исходить из того, что руководитель правительства современной России подтвердил всё сказанное его предшественниками, но в гораздо более сильных и ярких словах.

Да, если исходить из того, что два премьера, будучи вместе на мемориальной церемонии, подтвердили абсолютно идентичный подход к пониманию того, кто жертва, а кто преступник.

Да, если вникнуть в более широкий, нежели только польский вопрос, антисталинский пафос выступления Владимира Путина.

Да, потому что с участием польского католического епископа была заложена православная церковь в Катыни.

Да, потому что парадный расчет Войска Польского принял участие в параде на Красной площади в Москве 9 мая 2010 года, напомнив всем, что наши страны были союзниками в борьбе с общим врагом.

Новая трагедия под Смоленском – гибель в авиакатастрофе 10 апреля 2010 года президента Польши Леха Качиньского и нескольких десятков видных государственных и общественных деятелей страны – буквально потрясла Россию. Общественные настроения в отношении Польши и поляков приобрели характер соперничества, сочувствия, ощущения общности и братства в беде.

Наверное, ничто за все двадцать лет так не притягивало добрых чувств россиян к Польше. Но без слов правды, сказанных обоими руководителями, объединившимися в общей памяти и скорби в Катыни 7 апреля, реакция на катастрофу 10-го могла быть несколько иной.

Александр Чечевишников,
специально для «Янтарного моста»